

Елена Белова

**ТЫ — ДУРА! ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРАКОШИ
САМ ДУРАК! ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРАКОШИ
ДУРАКОВ ЗДЕСЬ НЕТ! ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРАКОШИ
ВАМПИР.. БОТАНИК?**

Елена Белова

Дураков здесь нет!

Или приключения гракоши

Роман

Москва, 2013
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
В. Успенская

Белова Е.

Б43 Дураков здесь нет! Или приключения дракоши: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 474 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1645-5

Вышла замуж — приключениям конец? Любимый муж, труд домохозяйки и дочка Мариночка — все, что светит в ближайшем будущем?

Как бы не так! В этом мире даже готовка обеда может стать приключением, особенно если на тебя свалилась магия и ты не знаешь, что с ней делать. А как вам работа рейсовым драконом? А шаман в качестве любимого мужа? А свекровь, которая... не монстр, нет — просто маг? А если покажется скучно, то вспомните, что дети — цветы жизни, и не выпускайте из-под контроля воспитание собственного «цветочка», от фокусов которого может поседеть даже лысый.

Но, видимо, богине Судьбы показалось, что всего этого для «тихого семейного счастья» дракону-оборотню Александре Морозовой мало, и судьбоносная шедро послала на голову Саши нашествие воинственного племени драконов с другого материка.

Ну что, пожалеем... драконов? Они ведь не знают, с кем связались!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елена Белова, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1645-5

*Посвящается моим читателям.
Огромное спасибо всем, кто поддержал
автора своим теплом и советом.*

Часть первая ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Глава 1

О ДРАКОНАХ, ДЕТЯХ, КУРАХ И ПОРОСЕНКЕ

— *Что значит «покорить женщину»?*
— *Ну... это когда она стирает, готовит, убирает...*
(Из диалога мужчин)

— Марина! Марина-а-а!

Тишина. И здесь ее нет. Вот наказание. Ну куда она могла деваться? Я ведь отошла всего на минуточку! Сверху посмотреть, что ли? Кувыркнуться, и...

— Марина!

Ни шороха.

Я уже успела обежать все укромные уголки, сунуть нос в озеро, на всякий случай перевернула всю песочницу. Ну да, песочницу. Когда Маринке было три, она как-то закопалась туда целиком, с ушками, и тихохонько грелась себе, пока мы с Риком перерывали дом, поляну, соседские дворы со всеми их чердаками, подвалами и лабораториями и лес в придачу.

Какие лаборатории? Ну... муж у меня — шаман-универсал, поэтому у него есть такая специальная комната, куда лучше не лезть и ничего в ней не трогать, если не хочешь, чтобы у тебя отрос кактус вместо носа. Что он там делает? Кто, кактус? Ах, муж... Слушайте, отстаньте со своими вопросами, а? Не до того мне! У меня, если вы не заметили, дочка пропала!

Марина, где ты?

— Саша, ну что, нашла? — Из окошка высунулась соседка.
— Нет!
— Сейчас позову своих старших, пусть поищут. Шустрая она у тебя...

Ох, не то слово...

Когда папа с мамой посмотрели на мою дочурку и дружно сказали: «Саша, она в тебя», — я сначала даже обрадовалась. Носик смотрела, бровки-глазки... вот балда же! Нет бы вспомнить, почему от меня гувернантки пачками увольнялись. А мелкая-то пошла в меня не только личиком. Это уже в первые полгода стало ясно. Живой кулечек с серыми глазками и пухлыми губками как-то моментально стал центром дома. Малявка твердо знала, чего хотела: кормежки, купаний и нас с Риком. Никакие заменители не проходили: она не желала на руки ни к обоим дедам, ни к бабке. Как она отличала одни руки от других, непонятно, но мелочь соглашалась лежать спокойно только у мамы и папы, а если папа-мама норовили втихую улизнуть, рев стоял на весь поселок.

И это еще цветочки!

Ягодки пошли потом, когда через пару месяцев хитрое дите как следует освоило превращение в дракошу, и на нас стали падать драконы. Первый рухнул прямо на Риков огород с травами и попросил «людей» прекратить «обижать драконьего ребенка». А то он... а то они... ой, да знаю я, что они. Сама дракон. И я, и Рик, и дочка наша. Оборотни мы. Так уж вышло. Я стала драконом, когда попала в этот мир из родной Москвы, а Рик — когда на мне женился. У местного бога семейного счастья были строгие понятия насчет «муж и жена да станут единым целым», и бедный Рик уже через пару секунд обнаружил, что стоит у брачного алтаря весь в чешуе, с крыльями и так далее. А маги в каком шоке были... а уж драконья стая вообще на хвосты встала — первый дракон-маг за триста лет! Словом, весело... до потери пульса.

Так что мы в курсе драконьих привычек-традиций-заморочек. Но терять травки в огороде было немного обидно. И объясняться с незнакомыми драконами, что никто тут детку не обижает, тоже как-то...

Ну, ушки у них так устроены — лететь на плач драконьих деток. И попробуй втолкуй, что на самом деле маленькую капризку никто не обижает, а просто на минуточку оставили одну... И нет, с приемной мамой ее оставить не могли, потому

что никакая другая дракоша «это яйцо не насиживала», потому как ребеночек вообще не из яйца, а... ну вы в курсе? Нет у нее приемных мам! А крылатые защитники смотрят как на полную эгоистку — как это, мол, я не обеспечила малышке хоть парочку приемных мамуль? Что интересно, рядом с драконами это сокровище притихало и вовсю мурлыкало, напрашиваясь под крылышко.

— Марина-а!

В кладовке ее тоже не было. Так, Саша, спокойно. Вопрос: куда могла уйти пятилетняя девочка за ту пару минут, что ты потратила на лекарство? И уйти так, чтоб ее никто не видел.

Вот не зря мне свекровушка предлагала колдонуть это шустрое дите. Наложить «сеточку», например, чтоб ребенок оставался там, куда его посадишь, и ничего не трогал. Она даже не поняла, с чего нас с Риком так перекосило. Мол, а что такого-то? Так же безопасней. Угу. Безопасней. А еще спокойней превратить его во что-то маленькое, типа брошки, и всегда таскать с собой. И на виду, и не потеряется, и не натворит ничего. Тьфу. Чтоб вас с вашими предложениями, мама.

Хотя еще немного — и я дозрею и до «сеточки», и до... Господи, ну где она?

— Марина!

Хоть бы Рик вернулся скорее из своего универа. Помог бы...

Шшшихххх! Знакомый звук хлестнул по ушам, и я застыла, глядя, как над лабораторией деда Гаэли поднимается цветной дым.

О господи. Кажется, я знаю, куда пошла Маринка...

Цветной дым весело вился над крышей и плевался искрами. Это первое, что я увидела, когда влетела во двор. Искры вылетали целыми стаями, шипели и трещали, дождем сыпались на крышу и вообще хулиганили по полной. Обе двери домика — в жилые комнаты и в лабораторию — настезь. На пороге два горшка. Из одного лилось что-то густое типа варенья (если вы когда-то видали серое варенье), из другого сыпалось что-то типа оранжевого песочка. Там, где они встречались — на земле, в небольшой луже, — как раз начинался дым и треск. Откуда-то сверху слышалось возмущенное кудахтанье. Я подняла глаза. Куры хозяина сидели на диком винограде и всеми силами протестовали против свободы и безобразия. Понимаю

вас, птички. Бардак! Таких слов при дочке говорить не стоит, но попробуйте, подберите другое!

Плетеный забор валяется на земле, в курятнике дыра, будто туда влезло что-то вроде слоненка, развешанные под навесом на просушку травы в таком виде, будто по ним хорошенько потоптались, из окна дома свисает длинное-желтое-непонятно-что, сверху сыплются перья, а посреди этого барда... беспорядка катается мое пропавшее сокровище и верещит от счастья во всю глотку:

— Ви-и-и-и-и! Мама, мамочка, смотри, я без рук могу, видишь?! Мам, ты видишь?

Да тут только слепой не увидит! И не офигеет. Надо будет спросить моих родителей: а я каталась когда-нибудь в чужом дворе на поросеночке? Зелененьком! Ох, нет... Зеленом? Только не это...

— Марина!

— Мамочка, можно я поеду на озеро?

Что?! Я представила, как мое сокровище проносится по улицам, топча все огороды и сбивая прохожих, а потом плавно въезжает в воду...

— Нет! Слезай сейчас же!

Зеленый поросеночек лихо притормозил возле меня. И я еле успела подхватить на руки пятилетнюю наездницу, которая от резкой остановки чуть не свалилась носом в землю.

— Осторожно...

Куда там! Слово «осторожно» Маринка вспоминает только тогда, когда нужно стащить у зазевавшихся родителей что-нибудь страшно нужное, типа папиной книги с записями или конфеты. А в остальное время она носится по дому, будто мяука повышенной шустрости, и ухитряется за один-единственный час перевернуть его вверх дном. Причем с ангельским видом! Вот и сейчас — глазки блестят, щеки румяные, и слова сыплются, будто семечки.

— Мам, ты видела, как я каталась? Видела?

Ага. Каталась.

— Да, детка. Минуточку, маме надо посмотреть...

— Ох, ничего себе! — за поваленным плетнем уже собираются зрители. — Леди Александра, это все действительно натворил один ребенок?

Ага, я бы на их месте тоже сомневалась. Хотя, если подумать и припомнить некий случай игры в войнушку (семь помя-

тых огородов, издырявленное бельишко и подбитый глаз местного старосты), два скандала из-за попыток «сварить зелья, как папа» (взорванная конура и загубленный на корню урожай тыквы) и катастрофические последствия Маринкиной попытки «помочь бабушке»... однако могли бы уже и привыкнуть.

Нет, не привыкли. Сквозь шум и треск (искры совсем охмели!) я слышала, как толпа оживленно обсуждает событие.

— С ума сойти...

— Обратите внимание на цвет копытного.

— Любуюсь.

— И я. Помните, коллега, как мы с вами лет этак пятьдесят назад тоже кое-кого перекрашивали? Можем спать спокойно — у нас, несомненно, найдется достойная смена.

— Да, на юное поколение всегда можно положиться. Если покажется, что жизнь слишком тихо течет.

— А вы, мастер Терето, кажется, собирались поработать наставником юных магов в будущем году? И как, не передумали?

— Э-э...

— Мам, мама, смотли, какая свинуска... а можно я, как Ма-линка, кого-то покласу? Коску... или бабуску...

— Сочувствуем, Александра. Помочь прибраться?

Один поросенок ничего не комментирует. Смотрит водянистыми глазками так, словно прикидывает, какой кусочек меня вкуснее. А потом отворачивается, недовольно дергая хвостиком. Очень вежливо... но я не обижаюсь. В смысле не я тут должна обижаться...

— Леди Александра! Ну, вы совершенно невозможны!

Я виновато смотрю на поросенка. Опять деду не везет.

Дед Гаэли вообще-то неплохой маг и лекарь. И еще учитель в университете для магов. Только немножко нервный. Лет восемь назад он даже из учителей ушел — хотел дожить век спокойно. Но ему не повезло. Года три и правда было спокойно — как он говорит, нянчиться с тремя деревнями и одним практикантом было куда проще, чем с выводком малолетних магов. Дед стал спокойно спать по ночам, не нервничая, что его в любой момент сдернут с постели и объявят, что, пока он спит, его ученики... ну, сами понимаете, что способны выкинуть маги-малолетки. Так вот. Счастье деда продлилось недолго. На четвертый год его пенсии в этот мир попала я. Нет, я ничего плохого не хотела. Просто когда ты ничего не знаешь про местные порядки, то вляпаться в неприятности очень легко. А если

ты еще и дракон... В общем, Рик (именно он меня встретил) уже в первый день моего пребывания в этом мире остался на развалинах своей избушки и со сломанными руками. А дед Гаэли до сих пор как вспомнит те времена, так зеленеет. Рик его тогда нечаянно в жабу превратил, с моей подачи. Я уже говорила, что я не хотела? Просто так получилось.

С тех пор было много всякого, и сейчас мы неплохо ладим, но домик он все равно поставил на другом краю поселка. На всякий случай.

И кое в чем ему повезло — по крайней мере, рядом с его домом ни один дракон не приземлился... И тот тюк «со свеженькой рыбкой», который мой непутевый братец Гарри нес «порадовать племянницу» и который так неудачно лопнул, что полпоселка угодило под рыбный дождь, его тоже миновал. А теперь везение кончилось — подросшая Маринка добралась до его лаборатории.

— Мастер Гаэли, вы случайно не помните, чем Маринка вас того?.. Ну, заколдовала.

Может, еще удастся разрулить ситуацию без ковена?

— Мам...

— Погоди, детка. Маме надо поговорить.

— Со свиношкой?! — поднимает бровки неугомонное дите. Твою ж косметичку! Если так дальше пойдет, то я сменю любимое ругательство. На что-то типа «цветы жизни» или «детский садик» (вот где, наверное, страшно работать).

— Марина!

Дите обиженно дует губки, но тут дед, наконец, подает голос. Сварливый такой:

— Раньше нужно было «маринать»! Боже, моя лаборатория! Мои микстуры...

— Мы все приберем! Извините Марину, она же...

— Не хотела? — Ох и голос. Особой ядовитости. Кобра от зависти кактус покусает! — Очень знакомо звучит, знаете ли! Рр-р-р-р-р-р!

Поросячий хвостик сердито дергается.

— Ну не сердитесь. Хотите, я вас выкупаю?

Хвостик замирает.

— Ш-ш-што?! — Кажется, дед ушам не верит — они нервно вздрагивают.

— Ну, у вас рядом с хвостиком такие пятна... я вас выкупаю, а Рик потом расколдует. Не волнуйтесь...

— С хвостиком?! Леди Александра! — шипит дед. — Извольте немедленно снять меня с этой ивы и прекратите общаться с животным!

И только тут до меня доходит, что голос-то доносится сверху.

Я поспешно задираю голову.

И встречаю мрачный взгляд старого мага. Гляжу на зеленого свина — тот уже перестал обижаться и жизнерадостно хрюкает, тычась пяточком в мои любимые домашние штаны. Подачку выпрашивает.

— Мам, так ты почему разговаривала со свинюшкой? — не отлипает дочка.

— Леди Александра, вы действительно могли спутать меня со свиньей?! — кипит мастер на своей иве.

— Что здесь происходит? — гремит голос, от которого моментально стихают даже курицы в зарослях винограда. Радиликка, супруга Гаэли.

— Ко-о... — проникновенно вставила среди молчания какая-то курица.

Ну, просто зашибись.

Можете представить, в каком состоянии я прибыла в магический универ славного города Деневы. Можете? Вот и хорошо. Потому что лично я слов подобрать не в состоянии. Даже вспоминать не хочу, что мне сказала Радиликка. Смотреть надо за ребенком, смотреть...

Ребята мне, к счастью, попались понимающие. Вообще в универе других и не водится, маги — народ понимающий, умный и с таким самоконтролем, до которого лично я дотяну в лучшем случае перед пенсией! Самоконтроль, конечно, работает не всегда, дети есть дети, им вечно интересно, как устроен мир. Сколько зубов в пасти у ближайшей собаки, какой вкус у репья, голубики и папиных чернил и что будет, если дернуть во-о-о-он за ту веревочку...

Но студиозусы универа — особая статья. Именно потому, что они — маги.

Во-первых, у них выходки бывают реже, чем в среднем у тинэйджеров... и не спорьте. Я, между прочим, спонсор одного московского детдома и, поверьте, знаю, о чем говорю. Во-вторых, они куда более непредсказуемы (и ожившие штаны, бегущие за своими владельцами, далеко не самая неожиданная

вещь, на которую можно наткнуться в коридорах, — был у нас один второкурсник, так его пришлось тянуть за веревочку, ибо он парил, как воздушный шарик... но сейчас не об этом). И в-третьих, малолетние маги всегда охотно убирают последствия своих шалостей... если могут, конечно.

Все воспитание юных чародеев с детства нацеливает их на терпение, понимание, долг перед родным миром — кому много дано, с того много и спросится, верно? Надо же, я уже сама как маг говорю.

Так что читать им лекции обычно одно удовольствие.

Но такой уж, видно, сегодня день, когда все наперекосяк. Вообще-то стоило сразу насторожиться, когда в классе, куда я влетела, висела такая непривычная тишина... тихие дети — это вообще ненормально, чтоб вы знали. Но я была все еще не в себе, мысленно доругиваясь с Радиликкой, и не словила мышек. Я вообще педагог не то чтобы особо опытный. Да, представьте — я и педагог. Сама в шоке была, когда мне ковен эту работу сосватал. На мой взгляд, двух более несовместимых вещей, чем я и учительство, просто не бывает... ну разве что Николай Басков и скромность, а вот маги отчего-то были убеждены, что стоит попробовать. Мол, а что такого-то, леди Александра? Всего лишь провести цикл занятий о нравах и традициях драконов, ничего особо сложного. Мы же не просим вас слетать на Заброшенный континент, откуда еще никто не возвращался? Леди Александра, ну неужели вы не хотите поспособствовать укреплению межрасовой дружбы?

Укреплению, ага.

Когда я пришла на первый курс, к десятилеткам, то неизвестно, кто больше боялся: я страшного учительства или они — жуткого дракона. Как мы ухитрились поладить, до сих пор не пойму.

— Ну что, начнем? — Я осмотрела сидящих кружком учеников. Обстановка на первый взгляд была не слишком учебная: низкие креслица, овальный стол, на котором громоздились камни... Но низкая полумягкая мебель для малышей сейчас то, что надо. На ней столько защитных чар, что даже если в класс рухнет настоящий дракон, студенты уцелеют. В крайнем случае, кресла или удерут, или просто исчезнут вместе с учениками — и окажутся в безопасном подвале. Раньше у них была настройка на перенос в комнаты директора, но эта традиция дала

дуба лет за двадцать до моего появления. Тогда милые детисечки за одну неделю ухитрились облиться сначала сырной массой, потом цветочным удобрением, да еще неким эликсиром из болотных трав и какой-то слизию... А мастером университета тогда была дама в интересном положении. Можете представить ее состояние?

Поэтому сейчас ученики прибывают в подвал, самое защищенное место, где на них тут же пикирует со своей заботой дежурный целитель...

Ну, надеюсь, нам-то сегодня подвал не понадобится?

Я пригляделась к ученикам еще раз.

Мелла, существо повышенной шустрости, сидит тихо, карие глазки нетерпеливо поблескивают. Крепкие руки сжимают темный мешочек — ее домашнее задание. Силь... тот еще тинэйджер, но сегодня он намертво прикован к отличнице Алли, а та вряд ли упустит шанс припрячь паренька к работе по максимуму. Нет, Силь будет чересчур занят и сегодня выкинуть что-нибудь просто не в состоянии. Синнике? Нет, он весь в своем собственном домашнем задании, ему не до фокусов. Ну, тогда начнем урок.

— Сегодня у нас... Твою косметичку!

Нет, косметички в классе не оказалось. Ни моей, ни вообще никакой. Просто... ну как бы вы на моем месте среагировали, обнаружив ученика без головы?

— Эт-то что такое? — Заговорить получилось только со второй попытки. — Что это такое?

— Это Этин!

— Этин не хотел пугать!

— Он только хотел вылупиться из яйца! А оно получилось... то есть не получилось... вот такое!

Студент? Вылупиться? У кого-то тут едет крыша. Интересно, у меня или все-таки у Этина?

— Мы ему помогали, и оно получилось только такое!

Такое. Ага. Я присмотрелась к «всаднику без головы», то есть к мальчишке, у которого на плечах вместо этой самой головы торчал большой белый шар, и перевела взгляд на студентов. Те немедленно засыпали меня объяснениями, из которых кое-как стало понятно, что умник Этин, как всегда, хотел все сделать красиво. Выбрал обрядовую традицию по случаю рождения драконыша и решил продемонстрировать их на себе. Наколдовать яйцо, а потом «вылупиться» (и напарник пока-

жет, что при этом делают драконы). А оно вокруг головы наколдовалось. И не снимается никак, и не бьется.

Ага. Еще б ему драконья скорлупа просто так разбилась. Дракон не курица, скорлупа тут покрепче бронированного стекла. Интересно, как у него получилось сотворить такую? На вид и на ощупь прямо как настоящая...

— Продвинутый юноша. А модели-то ему чем не подошли? — Я покосилась на стол с камнями — копиями родных Южных скал — и нескольких дракончиков размером с ладошку, сейчас тихо сидящих у «бассейна».

— Он хотел... ну, хотел...

— Ясно. Вот почему испытывать новые чары можно только при старших. Чтоб помогли, если вот такое случится. Зовите целителя, пусть поможет вылупиться. Этин, ты дышать-то можешь?

Сразу два паренька рванули нажимать белый квадратик на стене — вызов дежурного целителя. Тот послушно отозвался вспышкой, детки мигом отскочили, и через секунду у стенки возник маг в красно-белой накидке. Спокойно выслушал «повесть об отличнике» (целители вообще спокойные) и утащил яйцеголового пострадавшего с собой избавляться от лишних деталей, пообещав скоро вернуть.

Дальше урок пошел как по маслу. Под оживленное перешептывание ребята продемонстрировали традиционный ритуал вылета на первую весеннюю рыбалку, потом традицию приема в стаю новичков. Все хорошо подготовились, модели послушно летали и садились куда положено, ошибок не было, и я заулыбалась. Нет, все-таки правильная это вещь — изучение традиций других рас. Люди обычно боятся того, чего не понимают, а если чего не знают, выдумают страшные сказки... а тут вот, все понятно, просто и красиво.

— ...а потом происходит сватовство, — тархтела в это время раскрасневшаяся девчушка. — Это очень старинный и красивый ритуал. Начинается он с того, что жених отправляется... Силь, не спи!

Светленький как березка Силь вздрогнул, и над учебной проект-площадкой взмыл небольшой, ростом с котенка, дракончик (видимо, это и был тот жених, который «направляется»), точнее, модель, раскрашенная... кхм, довольно необыч-

но. По крайней мере, драконы в полоску лично мне раньше не попадались.

— Отправляется... — повторила девчонка и замолчала, впившись взглядом в «модель». Кажется, экстремальная окраска и для нее была сюрпризом. — Отправляется...

— Куда? — не выдержал кто-то.

— Прятаться! — догадался сероглазый мальчишка.

— От невесты?

— От вас спрячешься...

— От тещи!

— Алли, так куда он там направляется? Говори, а то мы поспорили.

— Перекрашиваться! — ехидно прокомментировал еще один остряк.

— Подальше от ваших язычков? — внесла вклад я. — Будете перебивать, не закончим и до завтра.

Мои слова пришлись кстати. Испепелив напарника негодующим взглядом, рассказчица сгрэбла мозги в кучку и продолжила изложение «традиции».

— Он начинает с того, что приносит в семью невесты специальный поднос, драконы называют его ихар, он большой, чаще всего каменный. Обычно на подносе лежат цветы или готовые цветочные ленты. Он ворошит крылом цветы, а два его лучших друга в это время рассказывают, какой он хороший дракон и как любит свою избранницу. И какая у них будет счастливая жизнь... И если она принимает гирлянды, то начинается самое интересное: на опустевший поднос дракон выдыхает так называемое «сокровенное пламя», в котором выражается его внутренняя суть, и...

Тихое хихиканье заставило девочку снова отвлечься от рассказа... как раз вовремя, чтобы заметить, что напарник Силь присел, что-то выискивая на полу, а оставленный без присмотра дракончик-модель почесал хвостом шею и сунул голову под крыло, совершенно не интересуясь «невестой».

Алли была отличницей. Очень способной и ответственной. Даже чересчур ответственной. Именно поэтому ее часто ставили в пару с талантливым, но озорным Силем, чтобы, пока не поздно, привить немного терпимости. Мастер Наэсте, как-то выдерживающий должность руководителя университета уже больше сорока лет, часто повторяет: отличникам тоже надо время от времени терпеть поражения. Тогда, мол, они научатся

встречать проблемы правильно, спокойно, взвешенно, и трудности жизни их не сломят. Думаю, так и будет, и взрослая Алли сумеет встретить любую проблему как надо. Но пока ей всего двенадцать лет, и любая неудача кажется просто-таки катастрофой.

— Силь! — В голосе была такая буря, что вздрогнул даже непробиваемо спокойный Вась по прозвищу Медвед. А про Силя и говорить нечего. Мальчишка шарахнулся в сторону, модели переполошенно закружили в воздухе, поднос грохнулся на голову потенциальной теще, «друзья» попадали один на тестя, второй на невесту, цветы, стремительно увеличившись, шлепнулись на сидящих кружком ребят, а сам «счастливый жених» — мне в вырез платья.

Стало тихо. Группа уставилась на... в общем, на местопребывание последнего дракона. Я, если честно, туда же.

И полная тишина. Только «жених» фыркал и копошился, пытаясь выбраться обратно.

Спокойствие...

Изо всех сил сохраняя на лице серьезное выражение, я двумя пальцами выловила «жениха» за кончик мечущегося хвоста и подсадила к «невесте». Тот прижался к обретенной подруге, как девушка к норковой шубе с табличкой «скидка 50 %».

— Старинный и красивый обычай, — невозмутимо проговорила я.

И грянул хохот.

Глава 2 МУЖ И ЖЕНА

*Идеальная пара по-человечьи — это когда
взаимно устраивают недостатки друг друга.*

Или что-то большее?

*(Из «Наблюдений за человеками»
премудрого дракона*

Уррахи Большая Голова)

Рик прилетел только вечером. Как всегда, измотанный до отпадания крыльев. Он у меня маг, я говорила? Поэтому полдня вкалывает в крупном селе, разбираясь с проблемами местных жителей, а потом еще в универе учится — на полного мага.

Это вообще-то для шамана-универсала не так уж трудно, просто у шаманов и полных магов разный «уровень проводимости магии и контактности с источниками». Если попроще, то шаманы энергию для колдовства могут брать свою собственную, накопленную. Оттого и разный уровень колдовства по сезонам, например, солнечники слабее всего весной, после зимнего сезона бурь и перед пополнением резерва. Оттого, кстати, у шаманов и это самое... ну как бы это сказать помягче... воздержание, вот. Почти три месяца, пока идет накопление резерва, с девушками нельзя. А то настройка собьется, и без магии останешься. Нарушителю потом придется целый комплекс ритуалов проходить, чтобы восстановить нужное, да еще от ковена влетит. Но это если шаман. А полный маг может позаимствовать энергию у природы, причем в любой момент, когда надо, и от истощения не маяться. Главное, нужно научиться брать-копить энергию не только из стихии-покровительницы, но и из других источников, для «сохранения верного баланса». И еще распределять ее, преобразовывать.

Рик способный, у него получится. Тем более он еще и ответственный, старается. Но, во-первых, переучиваться трудней, чем учиться, а во-вторых... вы не забыли, что Рикке теперь еще и дракон? А у них совсем другая энергоструктура, и она проступает и в человеческом облике.

Оттого с этой учебой сплошные проблемы. Попробуйте тут поколдовать, когда каждое «приложение» (это здешние заклинания так называются) срабатывает не так, как положено. Кое-что (примерно половина) просто намного мощнее, а с остальными вообще зарез. То меняется «знак стихий», и вместо «ращения семян» эти самые семена подлетают в воздух и массово уносятся в теплые края. То обычный «ветерок» (охлаждение воздуха) срабатывает на обретение разумности (и ладно бы еще кто-то приличный поумнел, так нет, весь разум достался ежикам, которые немедленно объявили военное положение в связи с невозможностью и дальше мириться с беспредельной наглостью белок в отношении прав на грибы). А коллеги-маги сидят рядом, в одной руке перо, в другой бинты и набор первой помощи, с заклинаниями лечебными наготове — чтобы помочь, в случае чего, а заодно записать, что вышло.

Так что трудновато это — одновременно учиться и работать подопытным кроликом.

Но у Рика как-то получается. Он уже переработал штук сто

«приложений» в расчете на драконью природу. Говорят, они получают мощные...

Кувырок (я говорила, что у нас недаром такой большой двор?), и вместо золотистого дракона на сено падает человеческая фигура. Устало поднимается. Набрасывает халат. Смотрит на меня:

— Привет. Как день?

Кхм... и что ему сказать? Что сегодня весь поселок встал на уши из-за нашей дочурки? Или что нам с Гаэли пришлось выпутывать куриц из виноградоубежища? Или доложить, как я позорилась, общаясь с поросенком? Как Маринка в тысяча первый раз с честным видом выпалила «я-не-хотела-честное-слово-больше-не-буду». И как я завалила лекцию для старшекурсников «Драконьи стаи и ареал их обитания», заявив, что Песчаная стая обитает в курятнике? Ну, перенервничала из-за всего этого переполоха во дворе Гаэли. Студиозусы ржали, как целое стадо кентавров! А что мне сказала Радиликка...

Но у Рика такой усталый вид...

— Нормальный день. — Я пожимаю плечами.

А что? В конце концов, ничего необычного. День как день. По крайней мере, не скучно.

— Устал?

— Мягко сказано. — Рик удивленно посмотрел на тарелку, которую я перед ним поставила. — Это что такое?

— Мясо.

— Чье? Я такого не припомню.

— Да нормальное оно. Просто я его в фольге запекла. По рецепту.

— В чем?

— Потом покажу. Ешь.

Ну не говорить же, что из-за выходки нашего сероглазого сокровища мне пришлось кувыркаться в дракона и запекать это чертово мясо в моем собственном дыхании? Нет, я нормальная хозяйка, просто так было быстрее. Не надо раскочегаривать печку, только и дела, что утыкать это мясо специями, завернуть в фольгу и подышать немного?

У любой хозяйки должны быть свои маленькие секреты.

— Трудный день? — Рик с улыбкой подsunул мне аппетитно пахнущий ломтик. То-о-о-оненький. Чтоб не отказалась.

— Ага.

В серых глазах Рика мелькнули искорки.

— Маринка? — понимающе спросил он.

— Угу.

— Что на этот раз?

— Ешь. Потом расскажу.

— Значит, рассказ будет красочным, — усмехнулся муж. — Готов подождать. Жертв хоть не было?

— Ну... прошлогоднее птичье гнездо считается?

— Не-а.

— Значит, нет.

— Хорошо...

В доме было тихо. Никакой музыки, только сверчки за окном трещат. И чуть слышно шелестит листьями ива. Из клипсы в моем левом ухе, зачарованной Риком на передачу звуков из детской, доносится сонное дыхание дочки — опять не дождалась папу, заснула. И проблемы дня кажутся мелочью, и кажется, век бы сидела и смотрела...

Надо же, к тогдашним моим двадцати годам нужно было натворить кучу глупостей, загреметь в другой мир и обрести драконьей чешуей, сцепиться с черным магом и чуть не загнуться на алтаре во время жертвоприношения, чтобы понять, что такое счастье.

Вот оно. Когда домой возвращается любимый муж, а в комнате спит ваш ребенок. Когда ты уверена, что тебя понимают даже без слов.

И все хорошо...

— Эй... — Перед глазами что-то мелькнуло, раз, потом другой. — Ты со мной?

— А? — Я тряхнула головой и с удивлением уставилась на мое усталое счастье. С чего это ему вздумалось махать руками прямо перед моим лицом? — Что?

Рука замерла.

— Просто захотел убедиться, что ты действительно меня слышишь, — усмехнулся Рик. — А то смотришь куда-то на плиту и улыбаешься с таким мечтательным видом...

— На плиту?

Рука переместилась правой и дальше и пробежалась по моей косе.

— Ну... мне так показалось. И как-то не по себе стало.

— Это с чего бы?

— Ну... — Рука снова прошла по моим волосам. — Да нет, ничего.

— Так-так... — По коже уже бежали мурашки, но я попросила их временно убратся. — Рик, это что такое? Мой храбрый муж боится плиты?

Серые глаза лукаво блеснули.

— Не плиты... — шепнул он. — А того, что внутри.

Это он про мою первую попытку готовки говорит. Если бы мы оба тогда съели то, что я приготовила (нет, я знала рецепт, просто, сами понимаете, молодой муж, медовый месяц, все такое...), то очнулись бы только в лечебнице.

— Противня? Или дров? О, догадалась... Ты боишься золы!

Он рассмеялся.

— Позорище, да?

— Полное!

— Негодящий тебе достался муж...

— Не то слово! Я-то надеялась, что мой герой будет храбрым...

— ...будет сражаться с каждой встречной плитой?

— И не только. Еще со стиральной машиной, кухонным комбайном и микроволновкой.

— О предки, это даже звучит страшно... Микровол... — Рик почти умоляюще посмотрел на меня. — А никак нельзя без них?

— Ни за что!

— Что ж, я попробую искупить свои недостатки.

— Ну разве что так. А как будешь возмещать?

Не выдержав, мы оба расхохотались, и я почувствовала, как тает в его глазах усталость. Растворяется в улыбке, испаряется. Вот почему я так люблю его смешить. Особенно по вечерам. У нас не самая легкая жизнь. У него особенно — магом быть ох как непросто. Ответственность... Правила тут такие — если ты уродился магом, значит, всем по жизни должен. Помните, «кому дано, с того и спрашивается»? Так это девиз ковена. И устает Рикке сильно, особенно летом и весной, когда работы больше чем обычно. Посевы-поля. Вредители-сорняки-урожаи-уборки... Засухи и летние смерчи.

Поэтому мы оба, как ни странно, любим сезон бурь.

Когда жизнь на полях замирает и работы почти нет.

Когда за ставнями свистит ветер, а все вокруг заваливает снегом, у магов самое спокойное время. Или веселое — если ты

в универе. Ну, в универе всегда весело. По крайней мере нескучно. Взять хотя бы тот случай, когда студиясы решили сколдонуть себе камушек, который может подсказать на экзамене, и в результате мы чуть не оглохли. Кто-то перестарался, заклинание ударило по всему этажу, и камни охватила така-а-ая разговорчивость! Пряма не заткнешь. Педагоги наслушались ябед на годы вперед (кто б мог подумать, что камни такие злопамятные) и требований унять «юных безобразников» и запретить им колдовать хотя бы в комнатах. Это, мол, мешает булжникам созерцать важное. Офонареть!

Нескучно в универе для магов, нескучно. Но и расслабиться никак.

Пару раз мы устраивали себе отпуск на Земле, на тихом островке, необитаемом, потому что от некоторых земных традиций Рик шалел и столбенел, как пластилин на холоде. Насмотрелся первый раз, когда папа нас на Бали запихнул. Ну, все знают про Бали, правда? Рику хватило пары дней, чтобы начать меня жалеть — мол, в каком же сложном мире я выросла, и он, мол, теперь понимает...

Кхм.

И это он только пляж увидел и отель. Интересно, что бы с ним было, если бы, скажем, нас занесло в один из тех баров в Голландии? Или в Голливуд? Или... Ой, лучше не думать. Я даже попросила папу устроить нам необитаемый остров. Папа внял и устроил. Олигарх все же... у какого олигарха нет в записке необитаемого острова?

Не знаю, как назывался тот островок, но там реально были только мы, пляж и полный покой для нервов.

Охрана маячила на дальнем конце, службу я выставила. Кстати, вместе с телевизором. Нет, правда. Сначала волшебный ящик Рика зачаровал, а потом... даже объяснять не хочется. Да нет, объяснить можно, просто смысл? Включите ваш домашний зомбоящик и попробуйте реально вслушаться в то, что передают. Начиная с выпуска новостей (катастрофа-пожар-политика-война-чей-то-крупный-идиотизм) и заканчивая каким-нибудь модным шоу или сериалом. И притом никуда не переключайте и всему верьте. Представили? Ну вот...

Утром вам тряндят про погоду и новости в мире (офигеть, как зрителям хочется знать про новые заморочки звезд или про маску для лица из обычного манго с капустой! А уж без аварий и стихийных бедствий они просто жить не могут!). Потом, не

успеете вы прийти в себя от вида обязательной утренней катастрофы, телевизор берется за вас уже всерьез и начинает выносить мозг рецептами здоровья по доктору Малахову. Если вы пережили этот бред, то от тупизма все равно никуда не денетесь, потому что пять минут дебильной рекламы — и здрасте, мыльная опера! Очередной бред о чьих-то потерянных или брошенных детях, неверных мужьях и любовниках и бесконечных страданиях бесконечно несчастной идиотки-главгероини! Слушайте, я знаю, что сама в общем-то не особо умная, но те дурусты, что выкидывают главгерши на телеэкране — это даже для меня прежней чересчур. Мне часто хотелось не посочувствовать какой-нибудь Татьяне-Кармелите, а врезать им сумочкой по...

Так, о чем это я?

А, в общем, про телевизор. За мыльными операми несчастным зрителям приходится высмотреть криминальные хроники, скандальные хроники, суды и милицейские сериалы. Словом, все, чтоб окончательно стало понятно: мир — помойка, а жизнь — отстой. И многие верят...

Тьфу. И впрямь зомбоящик.

Так что жизнь в Лесогорье пусть и загруженная, но она проще. Ярче. И самое хорошее, что это своя жизнь, без подражания какой-нибудь скандальной знаменитости, без журналов со светскими сплетнями и модами, без той пустой суеты, которая почему-то считается обязательной для продвинутой личности. Просто жизнь. Настоящая.

А летом... Что ж, летом просто нужно вовремя загонять Рика отдыхать. Устраивать маленькие праздники, передыхи от нервов и переутомления. И почаще его смешить.

Вот как сейчас.

Рикке...

Это драконье «понимание», которым мы обменялись у брачного Пламени, которое так помогает уловить чувства и порой даже мысли своей пары, оно и правда бесценное для семейной жизни. Нельзя сказать, что у нас с Риком не было повода поцапаться за эти пять лет. Были. Например, когда я полетела в грозу и схлопотала молнией в крыло и спину. Рухнула в лес вместе с пассажирами, чуть не оставив дочку сиротой. Ох, и наслушалась я тогда... раньше и не думала, что мой шаман умеет так злиться. Или когда он на мой день рождения слинял из дому — это потом я узнала, что на берег выбросило очеред-

ной нехороший артефакт прошлого, и были мобилизованы все, кто оказался более-менее близко. А тогда... тогда я, конечно, шипела, будто рассерженная мяука. А уж сколько раз наши любимые родичи со всех сторон влезали между нами с искренней убежденностью, что делают правильно, — не сосчитать.

Но мы не цапались.

Мы просто были вместе. И понимали друг друга. Знаете, когда ты уверена, что тебе говорят правду, когда выговаривают именно за дело, а не срывают злость или утешают свои комплексы, когда ты чувствуешь, что он правда любит, — это много. Ты не гадаешь, не маешься дурью «верить-не-верить» — просто чувствуешь. Понимаешь.

Ну вот сейчас я, например, понимала, что Рик не так уж и устал. В смысле устал, но оживал буквально на глазах, и...

— Папа! — заверещало у двери. — Папа, папочка!

И светловолосая ракета, время от времени успешно прикидывающаяся девочкой, разом обломала нам момент наедине, переведя семейную идиллию с интима в милые посиделки за общим столом.

Мы только переглянулись. Ну что сказать? Ничего нового.

Нам вообще-то часто мешали. Даже очень часто.

Нарочно — никто; нас в принципе здесь любят. Но...

И у меня, и у Рикке есть родители. Моих — олигарха и светскую львицу — мы видим нечасто. Они, как и я, с Земли. Переход нестабильный, поэтому появляются они примерно раз в месяц, иногда реже. Папа все грозитя уйти на покой и осесть тут, да кто ж ему даст. Родители Рика тоже навещают нас не каждый день. Свекор у нас ученый, алхимик, и пробирки видит куда чаще, чем своих детей и внуков. Зато Митта, мамуля Рика, активна за двоих. Да за семерых, если честно. Советы из нее сыплутся, как слова из Андрея Малахова. Ну и если вы не забыли, то мы с Риком еще и драконы. Это я к тому, что у нас в родичах целое драконье племя. Две недели назад меня опять пригласили в пещеру к подруге Аррейне в названные мамы к ее будущему ребенку — яйцо помочь высидивать. Придется Маринку с собой брать. Интересно, устоят ли на этот раз Южные Скалы? Или будет, как в королевском дворце, где пришлось заново отстраивать прачечную? Но драконьи родичи Маринку любят, и ей простится даже тот гриб красильный, который она свистнула и бросила в купальню мальчиков. Что было-о...

Да. Внимания родственников у нас полно. С гарантией.

А еще у нас есть работа. Коллеги. Друзья. Соседи. И у всех дела, встречи, праздники, проблемы. Разговоры и приглашения...

Вообще, если подумать, то это просто удивительно, как у нас вообще получилось Маринку завести? Ах да, необитаемый остров.

Хочу сезон бурь.

— Пап, папа, а наколдуй летучие шарики? — Маринка виснет на Рике, будто он самый обожаемый в мире плюшевый мишка, причем весь увешанный конфетками и мандаринами. — Па-ап, а?

Рик жалобно косится на меня — мы правда договаривались: никакого колдовства ребенку после «часа лилий». Ну, это примерно полдесятого вечера по-нашему — время, когда детей отправляют спать. Почему нельзя? Причины есть. Какие? А вы любопытный, вам раньше не говорили? Ну, во-первых, покажите мне ребенка, который не заверещит от восторга, когда ему показывают фокусы. Нет такого? Я так думала. И попробуйте потом загнать этого ребенка спать — вот тогда и узнаете, что такое «невозможно». Про магию мое чудо готово болтать сутками! Без передышки. Причем не только болтать. В нашем сокровище явно спит маг, и неслабый. У обычных деток, если они будущие маги, дар просыпается в девять-десять лет, редко в восемь. А у нас игрушки в детской принялись откалывать номера с хождением и полетами полгода назад. Дар у их маленькой хозяйки, похоже, дремал где-то неглубоко и явно рвался проснуться. Так что, насмотревшись папиной магии, дочурка тут же желала это повторить, и... сказать, чем это обычно кончается? Сами догадались? Вот и чудненько. Так что после «часа лилий» никаких чародейств! Железное правило. Но сегодня у Рика жалобно-виноватый вид. У Маринки на редкость убойные глазки, и он явно готов сдаться на просьбы. Надо спасать.

— Солнышко, а ты ничего не забыла спросить?

Маринка, только что старательно оттаптывавшая папе колени, замирает.

— Ой. — Серые глазки моментально загораются, будто выключатель повернули. Ротик умильно открывается в букву «о». И звонкий голосок выдыхает бессмертное: — Па-па-что-ты-мне-принес?

Фуух... вопрос о колдовстве решен. Все-таки Рик чертовски

хороший папа, который не забывает о семье даже в этой своей бесконечной рабочей карусели. Подарок вон принес. А что это такое?

Ой, целых два свертка. С одним все просто и понятно — наль-ики, фрукты с южного побережья. А второй... второй... ой, мамочка. Это что такое? Сверток шевелится...

Эй, мы не собирались заводить домашнее животное в ближайшее время! Нам не потянуть его с нашим графиком! Рикке, ты что натворил?!

— Рик, это... — начинаю я.

— Подожди, Марина! — Побелевший Рик вдруг тянется выхватить сверток... и опаздывает. Небольшой комок ткани дергается, выскакивает из рук дочки и падает на стол. Обертка расплзается в стороны, и из складок высвобождается... ой, нет. Только не это!

— Папа! Ура! — верещит счастливое дите. — Я-вас-люблю-обожаю-буду-слушаться-ой-как-здорово!

Не знаю, какое выражение на моем лице, но у Рика вид обреченный. И это понятно. Не знаю, как это существо к нему попало и почему он его не почувял, но это явно не то, что он хотел подарить дочке. Такое вообще не дарят, если, конечно, не хотят насмерть посориться со своим другом.

Существо было совсем крохотное, не больше котенка, но у него уже ясно просматривались крылышки и глаза на пушистой мордочке блестели вовсю.

Иннек, крылатая песчанка.

Что значит — я зря паникую? А вы представьте, что вам подарили обезьянку...

— Я не хотел, — вздохнул Рик.

К этому времени песчанка уже успела слопать сливу, грохнуть об пол блюдце и осчастливить маленькую хозяйку сытым ворчанием. Рик наколдовал ей что-то вроде ошейника, проверил здоровье и — была не была! — наложил сонные чары. Чарами немножко зацепило и Маринку, так что сейчас обе сладко спали, а мы разбирались с последствиями.

— Как она вообще к тебе попала?

— Понятия не имею. Во втором свертке были сахарные вишенки, и... о!

— Что — о?

— Я их оставил на столе, когда... — мой шаман хмурится, — когда меня позвали к мастеру Наэсте.

— Наверное, эти вишенки ей пришлись по вкусу. Настолько, что она свалилась прямо там, где все слопала, и заснула на месте?

— Наверное...

— Стоп. А зачем тебя приглашал старший маг ковена?

Рикке посмотрел на собранные осколки. Аккуратно, как-то очень легко, одним движением собрал из них блюдечко и вдруг спросил:

— Саша... скажи, а тебе здесь не скучно?

Что?! Так... секундочку... это с чего бы такие разговоры? Я забыла про блюдце и песчанку. Стало по-нехорошему тревожно, ниточка понимания дрогнула, будто на нее подвесили что-то тяжелое. Рiku было не по себе, он то ли вспомнил, то ли подумал про что-то тяжелое, неприятное. Это ясно, но при чем тут...

— Нет. Если ты помнишь, то через неделю день рождения принца. Мы приглашены. Вместе с Маринкой, кстати. Приедет твоя мама. И мои приедут. Тут не до скуки будет. — Я присмотрелась. — Рик... что такое? А?

— Мне нужно уехать.

— Опять?!

Блин, вот почему на магов вешаются не все подряд девушки, а только через одну. Не всем охота терпеть такие выкрутасы: сегодня твой муж рядышком, а завтра — черт-те где и вернется не пойми когда, потому что у ковена где-то в очередной раз загорелось. Ну, например, из пустошей полезли ядовитые пауки, на побережье вынесло какой-нить утопший триста лет назад артефакт, очередной привет от спятивших черных магов той поры, а климатическая модель, до сих пор не дочарованная до конца, предсказывает ураган в Пригорье. И единственное, что тебе остается, — поцеловать его (если успеешь) и не сходить с ума (если сможешь), пока ждешь.

— Далеко? — А голос у меня спокойный. Правда спокойный. Конечно, я могу устроить скандал с битьем ваз и все такое, я умею, но смысл? Он же все равно уйдет, он должен. Только груза на душу добавлю. И там, где-нибудь среди ядовитых жуков или на очередной эпидемии, мой шаман из-за этого груза сделает ошибку. И не вернется.

Нет уж. Так не будет.

— Побережье... — вздохнул Рик, отправляя склеенную чашку на законное место, — Дорра.

— Надолго?

— Не знаю.

— Патруль?

— Ага.

— А что там?

Рикке опустил глаза:

— Пока ничего. Но гадание говорит, скоро что-то будет... Огонь, тень и потери. Предки, ну почему так непонятно! Как всегда, на дальнем гадании ничего не разберешь, а для ближнего еще рано. И неизвестно, удастся ли все предотвратить.

И когда удастся вернуться. Ничего, тут когда бы ни вернулся...

— Ничего. Все получится. Слышишь? И учти, с тебя ожерелье.

Рик удивленно поднял голову... и улыбнулся.

— Ну конечно...

— А как ты думал? — поддразнила я.

— Узнаю Санни, — охотно включился в игру шаман. — За колечко мышь погладит и мужа за море отправит.

— За колечко? Ни за что! Вот за ожерелье... знаешь, такое, из жемчуга, чтоб в две нитки...

— Ну-у, мне повезло! По крайней мере, знаю, что дорого стою. А может, сережками обойдемся?

— Скупердяй!

— Жадина!

— Шаман!

— Еще какой. Иди сюда...

— Марина! Марина-а! Ой, блин...

Я снова торчала во дворе мастера Гаэли. Пыталась отловить тех самых куриц, которых выпустило мое сокровище. Странно, я вроде их уже ловила... или нет? Ой! Твою косметичку фирмы «Алые паруса». Пламя вас заberi, подушки с клювами! Чего клюетесь, пернатые, чтоб вас лиса навестила. Гаэли, ну вот полюбуйся на своих... а где Гаэли?

На дереве никого. И дерево куда-то делось. И дом... Не поняла. Что за фокусы? Остались только куры. Причем кружили вокруг, будто акулы, и квохтали, квохтали. Мне показалось, или они растут и размножаются. Минутку, сколько их было? Раз, два, три... пять, восемь, девять, тринад... стоп, сбилась.

Раз... два... да не мельтешите вы! Перья выщиплю! И отправлю в печку, на бульон для гостей. Хвост драконий, да их тут, как чешуи! Только чешуя не клюется... Эй, перестаньте!

Но тут куры вытаращились на меня, как пенсионерка на Сергея Зверева, и... заржали?

— Ко-о!

— Ха-а!

— Ко-рко-о...

Да какого болота творится? Я опустила глаза... и оцепенела.

У меня не было чешуи. Совсем. Вместо нее из кожи торчали гладенькие блестящие перья. Перья! Розовые...

— Ко-о? — поперхнулась я. — В смысле... ко-кого черта?!

Охамевшие курицы ржали, как целое стадо журналюг, и еще что-то комментировать пытались.

— Санни, ты теперь наша!

— Дракон в перьях!

— Санни...

— Санни, очнись! Санни!

А?! Что-то защекодало мне нос, я оглушительно чихнула и... проснулась.

— Санни?

Было жарко и щекотно, в окна лился лунный свет... А надо мной на коленях стоял лохматый и взъерошенный шаман и вглядывался в лицо.

— А? В смысле я проснулась. Что такое?

— И что тебе снилось? — странновато спросил Рик, не отрывая от меня глаз.

— Н-не помню... куры, кажется. У мастера Гаэли... А что?

— Посмотри.

Я посмотрела. И похолодела. Перья... У него на груди, на шее... на щеке даже... это же перья?

Я не хотела! Ой, мамочка.

— У тебя, наверное, опять блок ослаб из-за всех этих волнений, — улыбнулся Рикке. Перья на подбородке зашевелились.

Блок на магию? Я замотала головой, не представляя, как буду объяснять в универе (а главное, Маринке) про пернатого Рика.

— Эй, успокойся, что ты... Ну хорошо, что перья снились, а не вода или смола.

— Что?

— Я говорю, их полная кровать насыпалась. — Рик разом

стряхнул со лба и щек прилипшие перышки и потянул меня из постели. — Встань, я их уберу. А то задохнуться можно.

А, ну да. Задохнуться. Разноцветные груды завалили постель, будто сугробы, причем сугробы щекотные и жаркие, разлетающиеся во все стороны от малейшего движения... Твою калорию, один сон и сколько уборки... А уж на кого мы с Риком были похожи! Я, по крайней мере. В зеркале отражался настоящий снежный человек, причем облезлый и пятнистый.

Вашу магию!

Нет, серьезно. Мало мне мужа-мага, так еще и это...

Когда у меня вскоре после свадьбы неожиданно отросли волосы (за пять минут и разом сантиметров на тридцать), я сначала не встревожилась. Это ж Лесогорье, мир магов. Тут всякое бывает. Может, Рик сюрприз сделал. Или нечаянно попала под чье-то колдовство. Помню, спросить хотела, но отвлеклась... На что, на что... Медовый месяц у меня был, забыли?

Когда на кухне взорвалась печка, я тоже не словила мышей. Печку я только осваивала, могла напортачить. Правда, потом выяснилось, что печка не взорвалась — просто лопнула, потому что запекавшаяся там рыба вдруг решила подрасти. Раз в пятьсот. С чего бы это у рыбы возникли такие желания, я не поняла, но постаралась все убрать и забыть.

Не вышло.

Недели через три после возвращения с Земли мы проснулись оттого, что по комнате бродил невесть откуда взявшийся телевизор. И облизывался при взгляде на нас. Как я не оглушила всех в округе своим визгом, не понимаю. Бедный Рик чуть не промазал по непрошеному гостю. А потом взялся за меня. Мол, что это такое и бывали ли еще какие-то странные происшествия?

Вот так. Выяснилось, что не только Рик после бракосочетания получил часть энергии своей пары — в смысле вид дракона-оборотня. Я от него тоже кое-что получила. Только не падайте. Магию. Здорово, а? Я — маг. Убиться веником.

Мне эта новость особо радостной не показалась, стайная родня тоже от счастья хвостами не била, но ковен... Ковен просто на уши встал, умоляя драконов поделиться секретом такого бракосочетания. Потому что лично они о подобном способе увеличения численности чародеев даже не мечтали. После Черных войн трехсотлетней давности маги пока не смогли вос-

становить свою численность, магов отчаянно не хватает. Драконы только разводили крыльями.

Правда, по-настоящему магом я так пока и не стала. Рик уперся. Целиком и полностью, хвостом и крыльями. Опасно, мол. Никто не знает, что такое быть магом-драконом. Их не осталось после войны. Кто мне разъяснить будет про баланс энергий? Кто покажет тонкости чар по-драконьи? Нет учителей? Нет. И ставить опыты на мне он не даст. Все. Разговор окончен.

Так вот. Ковен согласился. На меня наложили «ковы» — чары, временно блокирующие магию. А в подопытные кролики, в смысле драконы, тогда подался Рик.

Вроде все, вопрос закрыт, можно жить спокойно. А вот не тушки.

Где-то недели через три, как раз когда у нас гостила «дорогая мама» — свекровь, все началось по новой. Как сейчас помню, сидит это наша ненаглядная мама на кухне, пьет чай и ездит мне по уша... э-э, рассказывает, что вот она в моем положении прежде всего думала бы о будущем ребенке, хотя, конечно, она понимает все сложности с этим «межвидовым скрещиванием» и уж, конечно, прежде всего... А я стою и изо всех сил стараюсь не злиться. Нельзя мне злиться, я от этого сразу в дракона перекидываюсь. Представляете дракона на кухне? Именно так я когда-то развалила прежнюю избушку Рика — обозлилась до потери пульса, и... ну вы поняли.

Так вот, стою я, срываю злость на тесте (оно-то безответное), мечтаю о том, что свекровь заткнется хоть на минуточку... отвернулась буквально на мгновение — за чашкой. И вдруг за спиной вскрик, почти визг и грохот. Оборачиваюсь — и глазам не верю. Свекровь моя руками машет, на стол дикими глазами смотрит, а там...

Сидит там белая мышь размером с хорошую кошку, хвостом по столу бьет и готовится к прыжку, между прочим. И пока я пытаюсь понять, что это такое и откуда на моем столе взялось, мышь с места в карьер подскакивает и оп! — Митте прямо в лицо. Нет, не кусаться, что вы. Просто прилипнуть, чтоб она замолчала. Что потом творилось...

Это тесто было, оказывается. Мое собственное тесто. Вот вы предполагали, что у теста могут быть такие заскоки? Что оно ни с того ни с сего вообразит себя летучим мышем? И я не знала. И что это, оказывается, мои штучки. Я сердилась? Сер-

дилась. Мечтала, чтоб Митга заткнулась? Мечтала. Вот моя магия и выдала, что могла. Блок-то, оказывается, штука не вечная. И совсем не прочная, по крайней мере, для взрослых чародеев. Стоит разволноваться или разозлиться — и блок начинает подтаивать, магия рвется наружу. Долго сдерживать ее просто опасно, причем и для мага, и для окружающих. А колдовать я не умею абсолютно. Поэтому результаты всегда такие вот. Непредсказуемые.

То ни с того ни с сего на столе в универе появляется пара кротов (можете представить, что они подумали, когда их вытащили из норки неизвестно куда), то в драконьей пещере прямо из пола вырастает конфета-леденец неприличного вида (не знаю я, не знаю, как это вышло), то вот перья. Блин. Опять завтра разбираться.

Перья мы убирали минут сорок. У магов много всяких заклинаний есть, но как-то на уборку перьев ни одного не нашлось. А потом еще отмывались. Да уж... ночь определенно удалась.

Рик, а Рик? Что ты там такое говорил про скуку?

Глава 3 СЕМЕЙНЫЕ РАДОСТИ

*Друзей человек выбирает себе сам. Но в отместку за это
Господь посылает ему родственников.
(Пр и п и с ы в а е т с я А. Э й н ш т е й н у)*

— Не хочу-у...

— Мариш...

— Мам, он язык колет.

— Не выдумывай.

— Колет! — упорствовала дочка. — И еще он горький! И холодный. И... и...

— И разговаривать не дает... — перебила я, пока список претензий к янтарно-оранжевому шарикуну размером с кедровый орешек не вырос до потолка. — Да?

Маришка насупилась.

— Я поиграть хотела с ребятами. А он...

— Кррр! — поддержала хозяйку неугомонная пушистая зараза. Ну еще бы! Еще не вся ребятня поселка погладила по

шерстке наше новое домашнее животное. Еще не все вкусно-сти съедены. Ох, звереныш, чувствую, я с тобой еще наплачусь.

— А он помешает... — поняла я.

— Да!

Ясненько, у Маришки опять приступ хитрости.

— Так горький, колючий или холодный? — Мне стало смешно. — Мариш, это всего лишь камушек-накопитель. И он абсолютно безвкусный... — И я лизнула камень.

Оправданием моей наивности может послужить только то, что раньше наше счастье таких фокусов не откалывало. Но на то ей и пять лет, чтобы каждый день осваивать что-то новое... кхе-кхе-кхе!

Продолжить уговоры удалось только минуты через три. Когда я прополоскала рот, отдышалась и съела пару ложек меда, чтобы отбить привкус местной «горчицы». Горитрава, приправа к мясу и маринованным овощам, вообще-то вредной не была, но и есть ее в неразбавленном виде рисковали немногие. Я, например, не рисковала. До сегодняшнего дня.

Все это время дочка следила за мной, с каждой минутой становясь виноватей и виноватей.

— Марина? Ты ничего мне сказать не хочешь?

— Мам... я не хотела... просто... ну...

— Просто хотела доказать, что ты права. Так? — Смешно мне уже не было. Язык все еще дергал, и во рту он ворочался подозрительно неуклюже, как перегревшаяся змея. Маринка, Маринка... лучше бы ты в Рика пошла. А то с моей наследственностью...

Я присела рядышком и притянула мое сопящее сокровище поближе. Заглянула в опущенные глазки. Эх, Рика нет, он умеет слова подбирать. Но в конце концов, что я, слов нужных для дочки не найду?

— Мариш, я не буду ругаться. Уметь доказывать свою точку зрения, отстаивать свое мнение — это правильно и достойно. Но не любой ценой же. Хорошо еще не в папины отвары окунула. Что бы тогда было?

И не в яды.

Сопение стало громче.

— Не жалеешь?

— Мам! — Кажется, она вот-вот заплачет. Дошло. Плохим воображением Маринка никогда не страдала. — Я не хотела, я...

Ох, ребенок... Я взяла теплые ладошки — ковшиком боль-

шие ладони вокруг маленьких, меня так Рик успокаивал, если что.

— Ш-ш... я не сержусь. Просто обманывать стоит... почти никогда не стоит. Нехорошее это дело, неправильное.

— Почти?

— Почти. Врать можно только тогда, когда кого-то защищаешь. Договорились?

— Договорились...

— Тогда еще раз. Это кристалл-накопитель. Для детей. Вы еще колдовать не умеете, а магии у вас полно. Вот кристалл ее на себя и оттягивает, лишнюю, чтобы будущий волшебник не разнес дом или от широты души не наколдовал в родном городке вместо площади болото с клюквой. У тебя сейчас опять блок тает. Ты же не хочешь нечаянно уронить своих друзей в крапиву или превратить в драконьи мочалки? Вспомни, как весной Вась играл в войнушки и на всех ребятах выросли латы. Сколько их потом снимать пришлось? А год назад, когда твоя подружка испугалась пожара и пол-улицы залило? Причем не водой. А камень вовсе не горький, — я покосилась на «накопитель», — если, конечно, его не окунать в дедушкину супергорчицу.

— Я больше не буду... — виновато пробормотала дочка. — Давай положу...

— Прямо с горчицей? Иди сюда, чудо мое.

Кристаллик мы вымыли вместе. Вместе выбрали место, где Маришка спокойно посидит час, пока излишек не впитается, — на куче песка под окном дома. То есть не посидит, поиграет — но молча.

— Мам, а мам, а почему мне их раньше не давали?

— Их малышам нельзя. Магия сначала подрасти должна, хоть чуть «укорениться».

— Так я уже большая?

— Кхм... Не совсем. Большая будешь, когда в универ пойдешь. Но до накопителя уже подросла.

— Ура! — И, изо всех сил демонстрируя свою взрослость, Маришка старательно уселась и смиренно сложила ручки на столешнице. — Мам, а ты мне сказку расскажешь? И я буду тихо-тихо сидеть!

Времени на сказки у меня вообще-то не было. Скоро должны прийти соседки на «консервирование». Завтра на дом обвалятся гости, надо еще раз проверить порядок и приготовить

угошение. Надо выбрать момент и слетать утвердить расписание рейсов, которое мне теперь должны были скорректировать из-за командировки мужа. И свой кристалл-накопитель надо зарядить...

Но дела — это такая штука, которая не кончается никогда. А ребенок — такое дело, которое нельзя откладывать. Даже если мешает он, даже если от его помощи убытков больше пользы, все равно нельзя. Дооткладываешься когда-нибудь, спохватишься, а поздно. Просидит детка все детство за игрушками, мультиками и компьютерными играми, и попробуй потом понять, отчего да почему ему ничего, кроме этих игрушек, на свете и не надо больше. Если ты в четыре-пять лет его от стола отгоняла — «не мешай, мол», то в пятнадцать к этому столу хоть привязывай, а толку не будет, он уже усвоил когда-то, что работа — это не для него...

И остается надеяться, что с возрастом он поумнеет.

Мой папа только на это и надеялся шесть лет назад...

— Мам?

— Ну, раз тихо... расскажу.

— Позавидовала мышка лягушке. Мол, что такое? Она по подвалам да чердакам бегаёт, а лягушка спокойно под солнышком плавает. Лягушка на рассвете и закате поёт с подружками, а мышка пискнуть лишний раз не смеет, чтобы мяука не услышала. Несправедливо, мол. А садовая лягушка тоже обижается: что это такое, мышка в тепле под крышей живет, а лягушке каждый год приходится замерзать вместе с водой. Мышка шерсткой покрыта, ей хоть бы что, а у лягушки такая кожа, что от водоёма не отойдешь, постоянно смачивать надо. И мух там полно, в человеческом доме, а тут? И обе каждую неделю жаловались на жизнь мудрому садовому ежику... Маришка, не вертись.

— Е! Е-у-у!

Это «не буду», что ли? Похоже. Маришка обожает, когда ей расчесывают волосы, Маришка готова на немыслимый подвиг — в смысле посидеть полчаса спокойно и молча.

— О-о-и!

Ну, это явно «говори». Я опять беру в руки расческу, и теплая золотая речка мягких кудряшек снова течет через пальцы... Так когда-то, давным-давно, расчесывала мне волосы бабуш-

ка, папина мама (самой маме было не до этого). И тоже рассказывала сказки...

— А ежику надоело все время слушать одно и то же. Вдобавок жалобщицы мешали ему работать. И попросил он мага — я говорила, что он жил в саду у мага? — поменять их местами. Для справедливости. И он... — я понижаю голос, — поменял!

В распахнутых серых глазках ожидание. Но не удивление. Ну да, с папой-магом к чудесам как-то привыкаешь.

— Проснулась лягушка в мышьиной норке, огляделась и глазам не поверила! Никакой воды, над головой крыша, на полу — хлебные крошки. Все, как в мечтах! Лягушка так обрадовалась, что немедленно побежала осматривать дом. Видит — большая светлая комната. А прямо возле норки сидит что-то огромное, пушистое... мягкое... и зубастое.

— Ты что? — возмущается лягушка. — Мяуки лягушек не едят!

— А мышей — едят, — отвечает та. И как кинется! Еле успела лягушка обратно в норку забиться.

Тем временем мышка проснулась в пруду на кочке. Открывает глаза — кругом вода, жабий хор квакает на разные голоса, и самое главное — никаких мяук! Обрадовалась она, решила тоже поквакать, только подкрепиться сначала. А тут ни хлебной корочки не валяется, ни зернышек. А ее новая еда — комары да мухи — тихо не лежит, летает и съесть себя не дает! И только-только она нацелилась на одного комара, как рядом что-то как щелкнуло! Огромная белая птица с острым клювом по кочке стук! Мышка бежать, а птица опять — стук, стук! Пришлось прыгать в воду. Чуть не утонула она сначала.

Сошлись вечером мышка и лягушка в саду — чуть не плачут. Голодные обе, помятые, перепуганные.

— Лучше бы я в норке сидела, — плачется бывшая мышка. — Этот ваш аист даже под водой достает... и комары ваши — невкусные. Крошек хочу-у!

— Лучше б я из речки не вылезала, — горюет бывшая лягушка. — Люди, мяуки, крысы, дети, собаки — все против меня. Мух полно, а не съешь... Давай опять меняться, а?

И поменялись они обратно, и с тех пор жили не жалуясь. Жить надо своей жизнью, а чужой завидовать нечего... правда?

Когда счастливая Маришка умчалась вместе с песчанкой строить «замок», я только улыбнулась им вслед. Песчанка мог-

ла только питать, дочка моя — только руками махать, но как-то они друг друга понимали.

Почему в детстве никто, кроме бабушки, никогда не рассказывал мне сказки? Не диснеевские мультики, а именно сказки. Такие, как тут? Они, оказывается, мудрые...

Ладно, за работу. И свой кристалл под язык положить надо.

Рик их для меня и принес, кстати, хоть они в основном для детей, магию лишнюю сливать. Полезная вещь. Любой «заправленный» камень-накопитель — заготовка для сильного амулета. Это особый кристалл, напитаемый энергией, который можно зачаровать на любое действие (например, «бегучики», амулеты на перенос для чародеев средней и малой силы, делают именно из таких «камушков»). Они очень высоко ценятся, потому что свободной энергии для зарядки кристаллов обычно не бывает — у магов и так напряженная жизнь. Так что от накопителя сплошная польза. Людям вокруг необученного мага — безопасность, малышу заработок (за такую «зарядку» кристалла неплохо платят), а ковену лишний амулет для их непростой работы. Обычно такие накопители на груди носят или на браслете специальном, причем долго носят, он ведь постепенно работает. Но иногда и под язык кладут. Это если у тебя энергии выше крыши. Или если очень спешишь.

А я спешу.

Так, квас... Квас почти готов. Теперь ему только отстояться немного — и все. Правда, яблочный. С моим любимым на основе бородинского здесь проблемы. Бородинского нет. Ржи тоже нет. В смысле рожь теперь есть, папа мой московский старательно таскает сюда полезные семена, и кое-что уже неплохо прижилось, но до бородинского еще далековато. Но яблочный тоже вкусно получается... если к закваске не подпускать любимую дочурку. Первый опыт мы так и заporоли — малолетняя помощница щедрой рукой сыпанула в закваску тертый хрен и какой-то порошок из полотняного мешочка. Квас выглядел и пах замечательно, и я была готова забыть про нарушение рецепта (в конце концов, квас с хреном тоже бывает!), но вторая добавка была из Риковых порошков, и желающих рискнуть здоровьем и попробовать «земной напиток» в тот раз не нашлось. Да и потом пришлось не раз и не два пробовать свое угощение первой — ну, осторожные у нас соседи, осторожные. Имеют право.

Потом все наладилось, конечно. Сейчас вон ко мне за рецептами бегают.

Приятно.

Ну-ка, ну-ка, что у нас?

Комнаты — порядок. Окна и двери в домике моего шамана зачарованы не пропускать пыль и песок. Не потому, что кому-то лень прибираться, а потому, что внутри лекарственные травы. Не все из них можно закупоривать, а пыль, она сами знаете, вредная... Мало ли что там намешается?

Кухня — порядок. Все чисто до блеска, все на своих местах, на стенах-полках полно заговоренной зелени, которая чистит воздух, пол я пропала дезинфицирующим драконьим дыханием (привычка с тех самых пор, как Маришка научилась ползать), так что на деревянных плашках можно даже ужин накрыть, если придет такая фантазия.

Угощение — порядок. Суп-бульон с приправами, белая рыба в охлажденном соусе, хлеб трех сортов... Хлеб не мой, его принесла тетушка Михе, благодарила за то, что я на ее дочку и новорожденных внучек дохнула и на дом заодно. Нет, не дезинфицирующим пламенем, лечебным, у нас всякие есть. Не болеют теперь внучатки, растут хорошо. Спасибо, мол, большое. А чего спасибо, я так, по-соседски. Здесь много бывает просто «по-соседски». Помощь с грядками. Присмотр за детьми. Обмен продуктами. Вон я сколько консервов осенью раздавала-раздарила — и что, в кладовке меньше припасов стало? Нет, соседи просто другие принесли — отдариться. Все нормально, все справедливо. Местные меня научили, как мясо вялить, а маги — как чаровать на свежесть. Я напрягла память и в ответ выдала то, что когда-то усвоила от бабушки покойной. Домашнее консервирование имею в виду. Представляете, тут не умели закатывать консервы в стеклянных банках! Сейчас умеют. А стеклянная посуда с папиного завода — лучший подарок хозяйке. И копия моего «Сборника ествы по-московски».

Ой. Консервы!

Сейчас же принесут консервы! А я до сих пор...

— Саша! — как по заказу, послышалось со двора.

Соседи. Не успела.

Я заметалась. Банки-банки-банки... мало того что не вынесла, так еще и не накрыла. Где эти чертовы крышки? И рта ж не открыть!

— Саша!

Счас-счас... пару минуточек всего.

— Маринне, мама дома? — Молодой голос... кажись, это Эве, с окраины. Молодожены они с ее мужем.

Я замерла. Если Маришка сейчас откроет рот...

— Угу, — донеслось из-под окошка, где мое дите вместе с песчанкой усердно строило замок на куче песка. Точней, Маришка строила, а моя крылатая головная боль пробовала их освоить и сердито пищала, когда очередное творение рушилось, обсыпая обеих влажным золотистым «строительным материалом».

— Хорошо, — обрадовалась Эве. — Позови ее.

— Умху.

— Позовешь? — не поняла та.

— Ы-умху! — разъяснила моя дочка.

На мой взгляд, слова «не могу» понимались вполне отчетливо, но то на мой. А Эве озадаченно замолчала.

— Детка, тебе плохо?

— Ум!

— Язычок болит? Покажи тете... ой, куда ты? Девочки, держи ее!

Так, Маришку пора спасать. Я выглянула в окно. Милое зрелище — мои соседки, отставив в сторону прикаченные с собой тележки, обступили Маринку и усиленно пытались ее утешить, а заодно дознаться, «что такое приключилось с бедной деткой». Я пришла на помощь и помахала рукой, привлекая к себе внимание:

— Ымфууу!

Ой, какая тишина во дворе наступила...

Разъяснить ситуацию удалось только через три минуты, когда мой браслет на левой руке тихо пискнул и уколол меня в запястье — время вышло.

Я, к тому моменту еле отбивавшаяся от компрессов на голову, проверочных чар, предложений прилечь-отдохнуть и сочувственных фраз типа «видать, переколдовал муж-то...», сердито выплюнула на ладонь янтарно-оранжевый шарик размером с некрупный грецкий орех.

— Ох ты... — выдохнули соседки. Кто не понял, кто, наоборот, понял.

— Саша...

— Это чегой-то у тебя?..

— Какой большой... — зачарованно выдохнула Радиликка.

— Это кристалл специальный, накопитель для магии, — вздохнула я. — Излишек энергии сбрасывать. Маришка, иди сюда, время!

Пока я прятала кристаллы и выдавала ребенку заработанное мороженое, соседки успели разобраться с новостью — маги разъяснили не-магам, в чем суть.

— Я не опоздала? — влетела во двор еще одна соседка с тележкой. В тележке чуть позванивало стекло. — Ох ты, сколько банок уже набралось... Санни, а тебя на все-то хватит?

Мне стало смешно.

— Да на эту порцию Маришкиного дыхания хватит! А я все-таки покрупней. Складывайте!

У-у! Я только головой покачала, узрев горшки, банки, бутылки и корчажки, более-менее ровными рядами уставившие двор. Это надо же, какое разнообразие.

— А точно ничего не побьется? — шепотом выпрашивала незнакомая девушка. Видно, новичок, из соседней деревни.

— Если банка без трещинок, то ничего не треснет.

— А зачем мы положили на каждый горшок эту... это...

— Ты первый раз, что ли? Это смола специальная, для консервов. Вот сейчас Саннидохнет таким голубоватым огнем, мясо внутри горшков сварится, а смола расплавится и горлышко запаяет, чтобы воздух внутрь не проходил. И все.

— А она не промахнется?

— Если меня не будут отвлекать, то нет, — вежливо объяснила я, выбираясь из-за деревьев уже в драконьем виде.

Соседки живенько подобрались и ушли за выложенную белыми камушками «линию огня». Кое-кто вообще смылся в сад, угощение раскладывать — после консервирования у нас всегда маленькие посиделки. Мальчишки, повисшие на заборе, восторженно присвистнули и посмотрели на мой хвост. Я им три раза уже растолковывала, что чешуйки у дракона так просто не выпадают, я им не курица, из которой перья сыплются только так, надо линьку ждать... Но они все не теряют надежды. Ну, хоть Маришку ошипать не пытаются. И на том спасибо.

Интересно, много ли драконов, кроме меня, сейчас подрабатывают таким вот домашним автоклавом?

Набрать побольше воздуха...

— Сашка!

— Папа! — Я радостно повесилась на подставленную шею. — Вы уже приехали!

— Попробовал бы я не приехать — день рождения августейшей особы, — фыркнул отец. — Твоя мать меня бы со свету сжила.

— Игорь! — возмутилась мама. — Не слушай его, Саша, он сам к этой августейшей особе рвался — КамАЗом не остано-вишь. А где Марина?

— Деда! Бабушка!!!

Ну вот, можно было и не спрашивать! У Маринки на гостей чутье. Мое сокровище, где бы оно ни было и чего бы ни вытворяло, но при малейшем намеке на появление дядей-тетей-родственников и надежде на гостинец материализовалось моментально — куда там чародеям.

— Привет-я-очень-скучала-как-поживаете? — выпалила она и тут же заверещала, подброшенная сильными руками: — Ой, деда, щекотно... ой, ты меня уронишь! А подбрось еще разик, а? Ви-и-и-и-и-и!

Я наконец расслабилась. Немножко. Поймите правильно, я не то чтоб из нытиков, но день не задался с утра. Сначала снилось что-то паршивое. Причем про Рика... не помню что, но проснулась на мокрой от слез подушке. Потом эта песчанка... боги, вы по идее мудрые и добрые, вот объясните тогда, на фига вы придумали и запустили в мир этого монстрика в обличе милой зверушки? За двое суток с момента ее появления я уже вынуждена была сменить шторы — чертова зверюга раздрала их на клочки-ленточки, как девочки-фанатки одежду на любимой звезде. Потом пришла очередь зеркала. Чем пушистую скотину взбесил кусок стекла, неясно, но песчаная паршивка уделала его вареньем пополам с хлебными крошками. Едва отмылось.

А сегодня я с утра, как на вулкане — так и жду, что эти две половинки бомбы вытворят на этот раз? И попробуй не выпусти их из виду, одновременно занимаясь уборкой и готовкой. Чувствую себя настоящей извращенкой.

Что? Почему извращенкой? Да вы не представляете, как

приходится извращаться, чтобы глаз не сводить с этой парочки, пока руки заняты! Ну хоть эта проблема позади — теперь за Маринкой есть кому присмотреть. Я разнеженно присмотрелась, как мое сокровище висит на шее у бабушки и уже рассказывает ей свои важные новости — про то, как в постели вчера обнаружился большой жук с золотыми крыльями, а песчанка — представляешь, бабуль! — его съела.

Ура бабушкам!

— Ты как? — негромко спросил папа, пока Маринка ворковала о жуках и песчанках.

— Нормально. Все почти готово. Есть хотите?

— Да не откажемся. Мы тут тебе, кстати, кое-что привезли. Кофе, шоколад, фрукты кое-какие.

Я покосилась на «кое-что» — сумку размером с горный пик, и улыбнулась. Папа в своем репертуаре.

— Ну да...

— Со здоровьем без проблем?

— Пап, ты чего? У меня муж — шаман. Болезни нас обходят далеко-о стороночкой.

— А, ну да... — Папа, на себе испытанный Риково лечение, понимающе кивнул. — А ученики как?

Я помедлила, подбирая слово. Подобрала:

— Душевытрясательно.

— Ага. Ясно. Знакомо. Я когда в твоём детдоме открывал спортзал и бассейн, примерно так же себя и ощущал. Особенно когда меня и охрану в этот самый бассейн чуть не спихнули от избытка радости.

Ну да. На деток из моего подшефного московского детдома это похоже. Они у меня активные, как стадо кенгуру в охоте на туристов, а после подключения папы так и вовсе... Кое-кто из малышей вообще считает, что «олигарх» — это кто-то, с кем можно поиграть в «джунгли».

— А...

— А что у нас тут есть для одной хорошей девочки? — радостно пропела бабушка, и Маринка замерла, как стоп-кадр на видеокамере.

— Подарок? Подаро-ок!

И подумать только, я в тот момент ничего не почуяла... вот и говорите после этого про способности к предчувствиям.

Подарок был вполне обычным. Таким очень папо-маминным. Совершенно роскошная кукла со всеми наворотами:

пышные волосы, голубые глазки, наивные, как у новорожденного, губки бантиком, реснички щеточками. Словом, просто мечта детсадовки и полное умиление бабушек. Никто не будет ждать подлянки от такой лапочки. И зря.

Я чуть не уронила тарелку, когда кукла шевельнула своей кудрявой головкой (!), глянула в мою сторону и мяукнула:

— Привет, мама.

Мама? Я глянула на папу — тот пожал плечами. Не его, мол, идея. Твою ж косметичку... Мамуля, не обращая внимания на мое выражение лица, с упоением объясняла, сколько это говорящее в бантиках стоит и какие функции в него заложены. Ходить, говорить, петь, чуть ли не танцевать по заказу. Маринка замерла с раскрытым ротиком и сейчас была до жути похожа на привезенную куклу. Умеет мама выбирать подарки. Что ж, это лучше, чем косметичка, которую она мне подарила... лет в одиннадцать, кажется. Или в десять?

— Возьми на ручки, — талдычило чудо техники.

— Она может смеяться, вот посмотри...

— Ойй... ой, бабушка... спаси-ибо! Мама, посмотри!

— Мама, — тут же включился неугомонный подарок. — Мама, привет.

— Привет-привет, — отозвалась я. — Как ее зовут?

— Э-э... — Мама-бабушка полезла в коробку, вытащила из нее какую-то книжечку и прочитала: — Марина.

— Привет, — тут же ожила кукла. — Давайте дружить. Как вас зовут?

— Кхм... Саша, я не нарочно. Хочешь, поменяем?

— Не дам! — тут взвизгнуло мое дите. И, подхватив свой говорливый подарок, умчалось знакомить его с песчанкой.

Супер. И почему мне кажется, что веселей уже быть не может? Вот, пожалуйста. У меня уже две Марины. И крылатый хулиган в довесок. Прямо уже интересно, что будет дальше. Если учесть, что вот-вот должна появиться свекровь. А у нее тоже очень оригинальное понятие о подарках. Я представила, как свекровь дарит Маринке какого-нибудь крокодила, обозвав его, скажем, Риком... Хотя нет, свекровь всегда дарит что-то полезное. Типа кастрюли, в которой все остается холодным даже на огне. Ну, значит, Маринка получит какую-нибудь заговоренную чашку, которая будет орать, пока ее не помоют. Или книжку «Полезные чары для юных магов».

Нет, пожалуй, книжку дарить Митта не рискнет. Потому

что Маринка тут же полезет пробовать новые «знания», а удирать после этого можно и не успеть. Она шустрая девочка, наша дочка. Я представила себе Митту в виде курицы деда Гаэли и улыбнулась. Все не так плохо. И уж точно нескучно.

Странно. Почему Рик тогда спросил?..

— А муж твой где? — вернул меня к реальности голос отца.

— Дома, в виде исключения. В саду. Только я тебя прошу — на этот раз без сюрпризов, ладно? Ноут — классная штука, но магам иногда нельзя использовать электронику. Ни часы, ни...

— Понял уже. Я камни привез. Заготовки для амулетов.

— О, здорово! — Если опять алмазы, то Рик взлетит от радости. Из алмазов получают изумительные «хранилища», и для заговоров на здоровье они суперски подходят. — Спасибо, пап. Он, кстати, хотел тебя видеть — послушать сердце. Для профилактики.

Папа понимающе кивает и пропадает за «зеленой дверью», которая ведет прямо в сад.

Я запоздало вспоминаю, что не предупредила папу о Риковых занятиях, а они порой не для слабых нервов. Он у меня все-таки шаман, поэтому его колдовство со стороны смотрится интересно. Свеженько так. Он ведь пока не полный маг.

Полным магам, которым доступна работа с любыми источниками, почти всегда колдуется легко. Они, конечно, тоже копят собственный «колодец» (внутренний запас), но если тот вдруг кончится, то полный маг для получения энергии может моментально переключиться на окружающий мир — постоять на солнце (огненный), умыться (водный) и так далее. Есть такие продвинутые, что в состоянии брать энергию вообще откуда угодно, но таких единицы. А шаманам, таким как Рик, сложнее. Они колдуют только на собственном резерве, причем этот резерв нужно копить в строго определенный период, по ритуалу. Собыешься — и все, настройка на магию сбивается, как ежик в тумане... Сам обратно не настроишься, значит, обращайся в ковен и выслушивай все, что тебе навешают коллеги за разгильдяйство. Поэтому шаманы и считаются слабее полных магов. Зато у них диапазон приложения шире. Как это? Если честно, я и сама это поняла не с первого раза. Значит, так. Полный маг колдует от источников, поэтому сил у него больше, но зато некоторые чары получаются слабее, потому что колдовство должно сочетаться с источником. И если маг, к примеру, огненный, то с водой у него будут проблемы (в смыс-

ле с чарами по воде) — они стихии противостояния и друг с другом не ладят. Непонятно? Ну не сочетаются они, как кролик с крокодилом! А у шамана сил меньше, зато их внутренний колодец нейтрален и поэтому подходит к чарам любого типа. Ну да, как черные туфельки к нарядам всех цветов.

Вот видите, и вам все понятно.

Так вот Рик, как я уже говорила, пока шаман. Правда, теперь очень мощный благодаря драконьей энергетике, но шаман. И сейчас, пока лето, ему надо зарядиться как следует, то есть заполнить свой «колодец» под завязку. Времени у него с его работой маловато, поэтому он старается любую свободную минуту под это дело использовать и «заполняется» очень старательно.

Чересчур даже. В прошлый раз я прибежала на грохот и увидела, как они с Гаэли и еще одним коллегой лупят друг по дружке молниями. Вдохновляющее зрелище, да? Неделю назад он запустил с десяток каких-то «крыльев», похожих на воздушных змеев, только круглых. Змеи красиво кружились на высоте восьми — десяти метров, посылая на землю солнечные зайчики, а Рик сидел, скрестив ноги, как буддист в просветлении, и эти «зайчики» вспыхивали у него на коже, на миг высвечивая красным... и это в день отъезда! Маг, что с него взять.

— Пап, подожди, я с тобой!

А то мало ли.

— И кашля более не было? И одышки? И вот здесь... нет, чуть выше... болей нет? — Рик осторожно касается подставленного папой бока.

— Нет.

— Слабость?

— Давно забыл, что это такое. Волшебные у тебя травы, зятек! И руки. Я уж не говорю про остальное.

Рик улыбается, и я на минутку забываю про папу и хлопоты. Любуюсь. Какая же у него все-таки улыбка волшебная. Сначала в глазах будто светится — искорками такими теплыми, потом словно проступает на лице — мягко так... эх, не могу объяснить. Но когда он улыбается, я каждый раз выпадаю из реальности. До сих пор.

— А со сном тоже проблем нет?

— Есть, — с удовольствием отвечает папа. — Сон такой крепкий, что жена добудиться не может! Здоров я! Как танк!

Уже лет десять так себя не чувствовал, спасибо, Рикке. Ни одна швейцарская клиника с тобой не сравнится. Кстати, насчет нашего договора не передумал? Можно будет тебе еще пациентов подбросить? Из наших?

Рик молчит. Я тоже. Папа мой, он такой — умеет вернуть в реальность. И всех-то ему надо к делу пристроить.

— Не сюда, конечно, — уговаривает папа. — На тот необитаемый остров приглашу, никто ничего не узнает. А пользы с них будет много... Один вон даже авианосец достать может.

Папа неисправим. Вот зачем ему авианосец? Хотя... казалось, зачем ему стеклянный завод? И договор на «сельскохозяйственные гибриды»? А вот пригодились же!

— Так как?

— Не сейчас, — наконец отвечает Рикке. — Когда вернусь, отвечу.

— Вернусь? Откуда? Ты что, уезжаешь? А как же...

— На побережье.

Папа примолкает. Про побережье, куда постоянно выбрасывает всякие обломки и порой очень гадостные артефакты после Черных войн, он наслышан. Про опасность знает. Про то, что у магов вся жизнь сплошная мобилизация, в курсе. Но уговаривать Рика все бросить и смыться к нам на Землю, заколачивая деньги на крутых пациентах, не будет. Папа в людях разбирается и характер моего шамана прекрасно понимает. И даже уважает за твердость и абсолютное отсутствие жадности. И за «убеждения». Хорошо, мол, когда они у человека имеются, причем правильные.

Так что он только жмет несговорчивому зятю руку и хлопает по плечу — ничего, мол, езжай со спокойной душой, за твоими приглядим. Видно, придется будущему дарителю авианосцев подождать своего лечения на необитаемом острове.

— Ну что тогда... Удачи тебе, Рикке.

— Саша, а как оно вообще? Смотрю, ты совсем хозяйшкой стала.

Я поставила на стол кувшин с игревом — местным напитком.

— Спасибо.

— Это вообще-то был не совсем комплимент, — проговорила моя мама.

А то я не знаю. Искусство ездить по ушам — оно разное бы-

вает. У мамули оно похоже на змейку. Симпатичную на вид, изящную — залюбуешься, но притом такую, которая влезет куда угодно и имеет приличный запас яда. Так что побережем ушки.

— Ничего. Вот попробуешь ужин — тогда и оценишь мою хозяйственность. И попробуй только не навешать комплиментов!

— Да я не сомневаюсь, что все будет вкусно. Просто... — Мама, прищурившись, передвинула тарелку со свернутыми салфетками. Я тут же передвинула ее обратно. Без обид, мам, но тут правила этикета другие. И магам нужны именно такие салфетки, а не обычные. По крайней мере сейчас.

Мамуля опять прищурилась. Ясно, сейчас что-то «хорошее» скажет.

— Что?

— Саш... скажи честно... тебе тут не скучно?

Что? Они что, сговорились? Скука? Какая скука может быть при моей жизни? Тут иногда дохнуть некогда. Дом, семья, дочка, универ, ученики... Но я не успела возмутиться. Что-то легонько прошелестело, и в комнате материализовалась моя свекровь. Со свертком под мышкой. Ну конечно. Подарок...

На этот раз тарелка все-таки разбилась. Не удержала я ее. Очень хотелось спросить: «Мама, вы охренели?», — но не при ребенке же. Ребенок заворожено рассматривал дикую штуковину, похоже, еще не зная, радоваться или хныкать. Можно понять дочуру: подарок ненаглядной свекровушки больше всего смахивал на рыбу — если вы представляете себе рыбу розовую и в шерсти. Лупоглазую такую. И вдобавок — она летала. Нет, серьезно, без дураков. Пучеглазый подарок завис над головой Маринки и только покачивался, шевеля то ли плавниками, то ли крыльями.

— Митта... это что за хре... фиг... ох, короче, это что?

Свекровь умиленно улыбалась, глядя на розового монстрика и онемевшую Маринку (достижение!).

— Это новая игрушка. Называется «попутчик». Куда бы ни пошел ребенок, игрушка полетит за ним, причем ее даже носить не надо. Ребенок не устает, всегда может поиграть, и вдобавок попутчик никогда не потеряется...

Лучше б потерялся.

— Его издалека видно, так что если ребенок куда-то... ну, скажем, отойдет, то родители мигом отыщут потерю.

Ага. Ну это еще ничего. Я первый раз посмотрела на новый подарок с чем-то, кроме: «Господи, кошмар-какой!» И даже жуткий розовый цвет тут на пользу. Такое я точно не пропущу, когда Маринка в очередной раз сделает ноги. Пожалуй, стоит сказать спасибо, а?

— ...надо лишь сказать условную фразу. Или слово, — донесся до меня голос Митты.

Кажется, я что-то пропустила.

— Что?

— Я говорю, что вообще-то это еще и страшилка. Если дитя по какому-то недосмотру наткнется на медведа...

— На кого? — изумилась мама. — И впрямь, так мы и пустили дите к медведам.

— Ну хорошо, на бродячего пса. Если наткнется и скажет условную фразу, то игрушка сможет его напугать.

— Напугать? Вот это? — Судя по всему, папа тоже не поверил.

— А что за фраза такая? — поинтересовалась моя практичная мама. — Как бы ее случайно не назвать.

— Случайно вряд ли, — обнадежила свекровь. — Я думаю, что...

Что она там думала, мы так и не узнали. Ибо в следующую секунду в гостиную с почти накрытым столом ворвалась Маринка и сопровождающие ее лица. Точнее, лица, мордочки, крылья и плавники.

— Перестань! Перестань! Мама, скажи ему, пусть перестанет!

— Что слу... эй, а ну прекратите!

Куда там. В воздухе кувыркалось, мельтешило, рычало, шипело...

— Мрррррря!

— Хррррррр...

— Мама...

Среди подарков явно не наблюдалось «гармонии душ». Наоборот, песчанка, видно, считала себя единственным зверем, кто имеет право летать в этом доме. И просто бесилась оттого, что рядом замаячили еще чьи-то крылья. Как ни изворотлива была розовая лохматость, ей приходилось туго — у нее-то когтей не было.

— Мама, ну сделай что-нибудь! Ну скажи им!

Можно подумать, тут слова помогут. Я дернула с окна што-ру (добилась своего песчаная зараза, второй раз шторы менять) и попробовала накинуть на охамевшего иннека...

— Мама! Перестаньте! На помощь! Брысь!

— Мама, я боюсь! — ни к селу ни к городу выдала кукла.

...И тут это случилось.

Я не успела засечь момент превращения. Вот только что под потолком мельтешила, увертываясь от когтей, розовая рыба... и вдруг что-то огромное, черное, чудовищное с рыком приземлилось на стол, круша выставленную посуду. С отяжкой хлестнул тяжелый хвост, сметая осколки. И блеснули в оскале острые зубы, почему-то полосатые.

Маринка!

— Саша, в сторону!

— Игорь...

— Не бойтесь! — попыталась встрять свекровь.

Твою косметичку фирмы «Алые паруса»!

Как и когда я схватила дочку — не помню. Следующее, что отпечаталось в памяти — Марина сопит у меня под локтем и глаз не может оторвать от своей зверюги.

А зверюга, не обращая внимания на нас, хищно повернула голову, прищурилась... И в следующий момент песчанка, чудом не влетев в полуоткрытую пасть, вынеслась из комнаты быстрее собственного визга...

А это — черно-пятнистое, громадное, лохматое — осталось в гостиной наедине с нами. Облизнулось...

Я еле удержалась от превращения. Дракон в этой комнате точно не нужен. Дом такого не выдержит. Нельзя... Краем глаза я увидела, как папа что-то жмет на запястье — наверное, вызывает охрану. Мама тихонько всхлипывает...

В полной тишине что-то звякнуло и прошуршало. Это что еще? После сегодняшнего я не удивлюсь, если под столом притаился еще один подарок, например, деда Гаэли. И сейчас он вылезет и окончательно догромит гостиную.

Скатерть пошевелилась, с нее посыпались осколки.

— Что там?

— А я знаю?

— Арррр? — Чудищу тоже стало интересно. Оно опустило морду и приняхалось... заворчало... по столу забил хвост, сметая остатки посуды.

— Отстань! — послышался неожиданно спокойный голос,

очень знакомый. — Отстань, сказала, безобразник, погляди, что ты натворил.

Слегка растрепанная свекровь окончательно выползла из-под стола, отпихнула черную морду и выпрямилась.

— Вот... — проговорила она почему-то очень довольной. — Это и есть страшилка. Нравится?

Хороший вопрос. Нравится ли мне свекровушкин подарочек? Ну как сказать...

Я осмотрелась вокруг. Посуда вдребезги. Старательно приготовленный ужин всмятку. Осветительные шарики раскиданы где придется, отчего комната выглядит какой-то перекошенной. Мама и папа растерянно осматривают «страшилку». Маринка все еще прижимается ко мне и уже шепчет что-то вроде мама-а-можно-погладить-песика...

Я открыла рот, но слова застряли на выходе. Потому что именно в этот момент стол решил, что он не рассчитан на то, чтоб держать на себе всяких там страшилищных монстров, и рухнул. Крышка с шумом врезалась в пол, добивая все, что уцелело, раскатились яблоки и орехи. Радостно рыкнув, «страшилка» погналась за одним, уцепила зубищами... и превратилась обратно в рыбку. Розовая лохматость, ничуть не расстроившись, выпустила яблоко и взмыла обратно под потолок, как еще один осветительный шар, только спятивший. И спокойно закачалась там, помахивая хвостиком.

Осколки, в отличие от нее, никуда не делись. Сломанный стол тоже. И разлитый по полу соус.

Нравится ли мне? Зашибись как.

Маринка сопит. Она ребенок мага и давно привыкла к тому, что папа постоянно уезжает, но кто сказал, что ей это нравится? Она липнет к Рикку весь день, и даже бабушка с дедушкой не могут ее отвлечь.

Мне тоже не по себе. Я привычно проверяю отобранные Риком вещи — чтобы все в порядке было — и пуговицы, и шнурки, и налобные повязки, про которые он вечно забывает. Руки действуют сами, машинально откладывая в сторону истрепанную белую рубашку, которую муж таскает везде, несмотря на то, что она потеряла всякий вид. Я уже и покупала ему точно такие же рубашки, и даже шить их сама научилась — бесполезно. Чуть отвлечешься — и белая тряпочка снова оказывается в его заплечном мешке. Это, мол, та самая рубашка, кото-

рая была свидетелем моего к нему возвращения. Поэтому она — его счастливый талисман... ага, со всеми дырками на локтях. И штопка тоже талисман! И шнуровка истрепанная.

Мысли были заняты другим.

«...гадание говорит, что скоро будет. Что-то... Огонь, тень и потери», — то и дело всплывает в памяти наш ночной разговор.

Потери...

— Рик, будешь осторожным? — вырывается у меня.

В серых глазах тепло.

— Конечно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Честно?

— Насколько могу. — Голос слегка виноватый, и я знаю, почему: то самое «понимание», нежданное последствие драконьего свадебного ритуала, доносит отголосок привычного: «Кому много дано, с того много и спросится. Маг, не жди, пока спросят, иди сам!». Таков девиз ковена. Все они так живут...

Но хоть пообещал. Значит, если сможет — побережется. Ну и на том спасибо.

— Пап, не уезжай... — это опять Маринка. «Пугалку» свою бросила. Та кружит над головой, как розовая акула, а наша дочка опять вцепляется в папину руку.

Рик присаживается на корточки.

— Я скоро приеду. Привезу тебе жемчуг, будем вместе амулеты делать. Хочешь?

— Нет. Останься...

— Ты не успеешь соскучиться. Мама дома, и бабушки с дедушками.

— Не уезжай. Ну, пап...

— Мариш, надо. Мы же с тобой маги, слово «надо» понимаем, правда?

— Понимаем... понимаем, только... — Она снова сопит. Вжалась лицом в папино плечо, обняла обеими руками и сопит, кажется, с трудом удерживаясь, чтобы не зареветь. — Возвращайся скорей. Пожалуйста...

По шее, по спине точно провели мокрым пером — холодком прохватило. Странно, что Маришка так настойчива. Странно, что Рик не отшучивается, как обычно... и по ниточке понимания ничем не веет... почему?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА	5
Часть вторая. В ПЛЕНУ ЗАБРОШЕННОГО КРАЯ	83
Часть третья. ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ	236
Часть четвертая. ВЕРНУТЬ ЖИЗНЬ...	345